

<https://doi.org/10.18778/0208-6050.17.06>

Виктор М. Хайцман

СОВЕТСКИЕ ПРОЕКТЫ КОНВЕНЦИЙ О ВСЕОБЩЕМ,
ПОЛНОМ И НЕМЕДЛЕННОМ РАЗОРУЖЕНИИ
И О СОКРАЩЕНИИ ВООРУЖЕНИЙ В ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ
КОМИССИИ

На второй день после победы Великой Октябрьской социалистической революции, 8 ноября 1917 г., II Всероссийский съезд Советов принял по докладу В. И. Ленина *Декрет о мире*. Первое в мире социалистическое государство с первых часов своего существования начало борьбу за мир между народами. Ленинский *Декрет о мире* предопределил дальнейшую борьбу Советского государства за всеобщее разоружение и сокращение вооружений.

Свое участие в международных конгрессах и конференциях Страна Советов начала с борьбы за разоружение*. На первом пленарном заседании международной конференции в Генуе 10 апреля 1922 г. советская делегация заявила, что она намерена „предложить всеобщее сокращение вооружений и поддержать все предложения, имеющие целью облегчить бремя милитаризма, при условии сокращения армий всех государств и дополнения правил войны полным запрещением ее наиболее варварских форм, как ядовитых газов, воздушной войны и других, в особенности же применения средств разоружения, направленных против мирного населения”¹.

* Автор этой статьи изложил основные вопросы разоружения в политике СССР в следующих работах: СССР и проблема разоружения (*между первой и второй мировыми войнами*), Москва 1959, 444 стр; *Борьба СССР за мир в Подготовительной комиссии к конференции по разоружению (1927—1930 гг.)*, „Ученые записки Могилевского государственного педагогического института” 1955, [Минск] Вып. I, 31—67 стр.; *Из истории подготовки Московской конференции по разоружению 1922 г.*, *Международные отношения. Политика. Дипломатия. Сборник статей к 80-летию академика И. М. Майского*, Москва 1964, 297—321 стр. [От редакции].

¹ 50 лет борьбы СССР за разоружение. *Сборник документов*, Москва 1967, стр. 24.

На первой международной конференции, в которой участвовало Советское государство, совесткие представители, выполняя директивы В. И. Ленина, предложили осуществить всеобщее разоружение, уничтожить постоянные армии. Это было первым в истории человечества предложением государства осуществить всеобщее разоружение. И оно исходило от Советского социалистического государства.

Первой международной конференцией в столице Советского государства — Москве (декабрь 1922 г.) была конференция по разоружению, она же была и первой в истории международной конференцией по разоружению.

Первой международной организацией, в которую вступил Советский Союз, была Подготовительная комиссия к конференции по разоружению, где глава советской делегации М. М. Литвинов 30 ноября 1927 г. огласил декларацию правительства СССР о всеобщем, полном и немедленном разоружении. Советское правительство предлагало осуществить следующие мероприятия:

а) роспуск всего личного состава сухопутных, морских и воздушных вооруженных сил и недопущение их существования в какой бы то ни было скрытой форме;

б) уничтожение всех находящихся как в войсках, так и на складах — военных и общего назначения — оружия, боеприпасов, средств военно-химической борьбы и прочих средств вооружения и орудий истребления;

в) ликвидация всех военно-морских и военно-воздушных судов;

г) прекращение сборов для обучения военному делу как в армии, так и в общественных организациях;

д) издание законов, воспреещающих сборы обученных резервов;

е) издание законов об отмене военной службы как обязательной, так и добровольной и путем вербовки;

ж) уничтожение крепостей, морских и воздушных баз;

з) ликвидация военных заводов и военно-производственных установок на заводах общей промышленности;

и) прекращение отпуска средств на военные цели как по государственному бюджету, так и по бюджетам различных общественных организаций;

к) расформирование военных, военно-морских и военно-воздушных министерств, упразднение генеральных штабов и всякого рода военных управлений, учреждений и заведений;

л) запрещение в законодательном порядке военной пропаганды и военного обучения среди населения, а также военного воспитания молодежи как государственными, так и общественными организациями;

м) прекращение в законодательном порядке патентирования различных видов вооружения и средств истребления в целях устранения стимула к изобретению этих средств;

н) издание законов, рассматривающих нарушение какого-либо из вышеперечисленных условий как тягчайшее государственное преступление;

о) отмена всех законодательных актов как государственного, так и межгосударственного значения, противоречащих высказанным выше положениям, или внесение в них соответствующих изменений².

Срок проведения этого плана устанавливался в один год, в случае отказа капиталистических государств он мог быть проведен в течение четырех лет, причем первый этап разоружения должен был быть осуществлен в течение ближайшего года.

В Декларации отмечалась готовность Советского Союза полностью присоединиться к конвенции, запрещающей употребление в войне химических и бактериологических средств.

Один из советских представителей, Б. Е. Штейн, рассказывая о впечатлении, произведенном советской декларацией на членов Подготовительной комиссии, писал: „Советская декларация была выслушана при напряженном внимании всего зала. Те самые, которые только накануне высмеивали планы всеобщего разоружения, склоняя на все лады слово «утопия», теперь внимательно слушали, и ни одной улыбки не мелькало на лицах присутствовавших. Казалось, что впервые за восемь лет бесплодных прений, взаимного очковтирательства речей, заранее известных, повторяющихся почти без всяких вариаций, восемь лет безрезультатного топтания на месте, — в этом зале Лиги наций, слышавшем много раз декларации о мире и разоружении, впервые подул свежий ветер, впервые были произнесены новые слова”³.

Появление советских представителей внесло диссонанс в спокойный и размеренный ритм „деятельности” Подготовительной комиссии. Несмотря на то, что предвидели возможность советской декларации, она вызвала в президиуме замешательство.

С критикой советской декларации выступил представитель Франции Жозеф Поль Бонкур. Он убеждал, что лишь старыми методами Лиги наций можно добиться успеха в разоружении. В оправдание своего довода Поль Бонкур привел высказывание знаменитого французского философа Рене Декарта, что человек, заблудившийся в лесу, может выйти из него, если он все время будет держаться одного направления, не отклоняясь ни вправо, ни влево. Посему, призывал он, бу-

² Там же, стр. 61—62.

³ СССР в борьбе за разоружение. Советская делегация на IV сессии Подготовительной комиссии по разоружению. Москва 1928, стр. 94.

дем пользоваться старыми „испытанными“ приемами. Советское предложение „очень простое, я повторяю, слишком простое, флоты, пускаются ко дну, аэропланы взлетают на воздух, солдаты распускаются по домам“⁴. Но Лига наций уже однажды отклонила эту концепцию, ибо полное разоружение, по мнению Поль Бонкура, нарушило бы принципы равенства между большими и малыми государствами, поставив слабые стороны в зависимость от сильных. Справедливого равенства можно лишь достигнуть, строго следуя традиционному французскому тезису: „Сначала безопасность, затем разоружение“. Только установление безопасности, — по его словам, — гарантировало бы малым и слабым государствам независимость и суверенитет.

Поддерживая демагогические заявления Поль Бонкура, чехословацкий министр иностранных дел, Эдуард Бенеш пытался им дать „юридическое обоснование“.

Представитель Греции, профессор Политис доказывал невозможность существования современного человеческого общества без наличия вооруженных сил. Он говорил, что, если стать на путь сокращения национальных вооружений, то необходимо вместо последних создать международные вооруженные силы. Таким образом, он вновь рекомендовал отвергнутое французское предложение о создании международной армии под эгидой Лиги наций, т.е. международной жандармерии, которая была бы не только верным стражем завоеваний Версаля, но и авангардом в борьбе против революционного и национального освободительного движения во всем мире. После дискуссии советские предложения было решено обсудить по существу на очередной у сессии Подготовительной комиссии.

На следующий день после оглашения советской декларации, вся мировая пресса начала ее активно обсуждать. Советская декларация была подобна лакмусовой бумажке. Отношение к ней выявляло сторонников и противников разоружения и обеспечения всеобщего мира.

Передовые люди всех стран от всего сердца приветствовали призыв советской делегации в Женеве. Американская газета „Балтимор сан“ в передовой писала: „Русское предложение, конечно, не будет принято. Но прием, оказанный ей, разоблачает ту смесь из лжи и лицемерия, на которых базируется словоизвержение о мире всех прочих стран. Отныне даже человек улицы будет знать, что никакого прогресса в этом отношении и не желают [...] И за этот холодный душ реальности он должен благодарить русских“. В другой статье та же

⁴ *Société des Nations. Documents de la Commission Préparatoire de la Conférence du désarmement chargée de la préparation de la Conférence pour la réduction et la limitation des armements, Série V, Genève 1928, p. 13.*

газета констатировала, что „советские предложения разделяются простым народом всюду”⁵.

Тепло встретили советскую декларацию некоторые лейбористы. Выступая с речью в Чизуке. Ленсбери признал популярность советских предложений среди трудящихся. Он заявил: „Я уверен, что если бы вы поставили русские предложения перед собранием простых мужчин и женщин, они бы единодушно голосовали за него. Я считаю советскую декларацию самым крупным событием в истории борьбы за мир”⁶.

Не только газеты, но и в ряде „исследований” буржуазных историков и социологов, философов и юристов подробно разбирались положения советского предложения о всеобщем, полном и немедленном разоружении. Бывший заместитель министра иностранных дел в первом лейбористском правительстве Англии, Понсонби, писал в 1928 году, что после появления советской делегации „во всех странах простые люди издали вздох облегчения, что кто-то, наконец, внес предложение, которое каждый может легко понять”. Артур Понсонби потребовал серьезного изучения советской декларации⁷.

Испанский делегат Сальвадор Мадариага полагал, что осуществление всеобщего разоружения вызвало бы хаос в мире, привыкшем к вооружениям. В качестве доказательства он привел пример, что человека, привыкшего принимать наркотики, нельзя сразу их лишить. В качестве аргумента против всеобщего, полного и немедленного разоружения Мадариага считал, что вооружения должны оставаться как „элементы национального порядка и стабильности и как элементы международной полицейской силы”⁸. Лишь одно обвинение против СССР выдвигает испанский дипломат. Он говорил, что Советский Союз воюет идеями. В случае всеобщего разоружения „его члены были бы разоружены, но не сердце, его стремления оставались воинственными, только война — классовая борьба — нуждается в другом оружии”. Этого не мог допустить международный капитализм и послал, по словам Мадариага советское предложение „в ад международной жизни, дорога к которому была замощена хорошими соглашениями”⁹. Мадариага вынужден отметить, что Советский Союз является важным элементом мира в мире, что его миролюбивые заявления искренни.

Реакционная печать встретила советскую декларацию в штыки. Английская бульварная газета „Дейли мейл” писала, что советское

⁵ „Baltimore Sun” XII 1927.

⁶ „Daily Herald” 2 XII 1927.

⁷ *USSR and Disarmament*, London 1928, p. 7—8.

⁸ S. Madariaga, *Disarmament*, New York 1929, p. 38—42.

⁹ Там же, стр. 249—250.

правительство предложило всеобщее и полное разоружение „в явной надежде поставить в неловкое положение приличные и честные правительства“¹⁰.

Швейцарский историк Лозли-Устери особенно был недоволен, что советские предложения о всеобщем разоружении „импонировали некритическим массам народа“. Он дошел до того, что обвинил Советский Союз в стремлении использовать всеобщее разоружение для мировой революции¹¹.

Советская декларация о всеобщем и полном разоружении была важным историческим событием. Если не считать отдельных планов и проектов различных пацифистов и деклараций обществ мира, политический вес и практическое значение которых были весьма ничтожны, впервые в мире правительство великой державы сделало конкретные и определенные предложения приступить к всеобщему и полному разоружению. Это было большой заслугой СССР.

Вступление СССР на международную дипломатическую арену началось с борьбы за мир. С этого момента разоружение стало одной из самых актуальных и злободневных проблем международных отношений.

За месяц до открытия V сессии Подготовительной комиссии, 15 февраля 1928 г. советская делегация отправила генеральному секретарю Лиги наций текст *Проекта конвенции о всеобщем, полном и немедленном разоружении*¹².

Глава I проекта конвенции, посвященная личному составу вооруженных сил (статьи 1—10), предусматривала полный роспуск личного состава вооруженных сил в 4 года, при этом было указано, что в первый год распускается половина всего личного состава, в оставшиеся три года — вторая половина, ежегодно равными частями. В продолжение четырехлетнего срока намечалось полное упразднение всех военных учреждений и отмена всех законодательных актов касательно военных мобилизаций и воинского учета. Должны быть уничтожены все документы, архивы и дела, относящиеся к военным ведомствам. Законодательным путем подлежало запрету издание военной литературы и военная пропаганда среди населения. Согласно проекту: „Лица кадрового состава ликвидируемых вооруженных сил обеспечиваются работой в культурно-хозяйственной области“¹³.

¹⁰ „Daily Mail“ 1 XII 1927.

¹¹ С. Loosli-Usteri, *Geschichte der Konferenz für die Herabsetzung und die Begrenzung der Rüstungen 1932—1934. Ein politischer Weltspiegel*, Zürich 1940, p. 68.

¹² См. *50 лет борьбы СССР за разоружение.*, стр. 72—98.

¹³ См. Там же, стр. 74.

Глава II посвящена военным материалам (статьи 11—36). Она устанавливала порядок уничтожения военных материалов и вооружения и переоборудования некоторых орудий истребления для гражданских вужд. Все фортификационные сооружения должны были быть приведены в негодность. Заводы и фабрики, производящие боеприпасы и вооружения, надлежало переключить на мирное производство. Законодательным путем воспрещалось патентирование новых видов вооружения и средств истребления. Таким образом, советский проект имел в виду ограничить возможность вооруженных столкновений уже по истечении первого года действия конвенции.

III глава была посвящена организации сухопутной и морской охраны (статьи 37—44). Численность сухопутной охраны не должна была превышать контингентов 1923 г. На мировых водных пространствах устанавливалось 16 зон, подлежащих охране. В функции морской милиции входило: охрана морских богатств и подводных кабелей, борьба с пиратством и торговлей невольниками.

IV глава касалась вопроса контроля над выполнением настоящей конвенции (статьи 45—57). Она говорила о конституции и функциях международной постоянной контрольной комиссии, при которой будут действовать международный постоянный комитет экспертов и местные контрольные комиссии. Принципы контроля должны были быть основаны на безусловной гласности и привлечении в контрольные органы представителей тех групп населения, которые наиболее заинтересованы в скорейшем проведении разоружения.

Последняя, V глава говорила о дополнительных соглашениях в вопросах, связанных с нарушением конвенции, и о процедуре ее ратификации (статьи 58—63). Таково содержание советского проекта конвенции о всеобщем, полном и немедленном разоружении.

Советский проект приобрел колоссальную популярность среди трудящихся всего мира. Он был переведен и издан во многих странах. Мэр Стокгольма Линхаген, оценивая советский проект, заявил, что „инициатива СССР может положить начало новой эпохе международной политики и будет иметь огромное значение в истории освобождения угнетенных национальностей”¹⁴. Советская делегация стала получать тысячи писем, резолюций и обращений, выражающих одобрение проекту конвенции о всеобщем, полном и немедленном разоружении. Особенный интерес представляла декларация, подписанная 163 представителями 124 организаций (преимущественно женских и кооперативных), насчитывавших несколько миллионов членов в 13 странах. Эта декларация гласила: „Мы приветствуем смелое предло-

¹⁴ Ф. И. Нотович, *Разоружение империалистов. Лига наций и СССР*, Москва 1929, стр. 110.

жение Советского правительства о полном и всемирном разоружении [...] Будучи убеждены, что эти предложения являют волю широких масс населения каждой страны, решивших положить конец войне [...] мы со всей силой настаиваем на своем желании, чтобы члены комиссии изучили русские предложения с наибольшей тщательностью и представили бы международной конференции по разоружению, когда она соберется, какой-либо конкретный план полного разоружения мира в течение определенного периода времени"¹⁵. Среди подписавшихся под этим обращением были такие известные общественные деятели, как Джеймс Макстан, депутат палаты Общин, Карл Реннер, Уолтер Эйлес, Люси Кокс и др.

Обсуждение советского проекта конвенции о всеобщем, полном и немедленном разоружении на V сессии Подготовительной комиссии открылось 19 марта речью главы советской делегации М. М. Литвинова. Он отверг попытки некоторых дипломатов изобразить советский проект, как простое повторение уже отвергнутых Лигой наций предложений о разоружении. „Можно считать совершенно бесспорным — констатировал советский представитель — что предложение о полном, всеобщем разоружении, и притом в конкретной форме, внесено в Лигу наций и вообще в область международных отношений впервые, и Союз Советских Социалистических Республик гордится и всегда будет гордиться тем, что эта инициатива принадлежит ему"¹⁶. Первый советский делегат подчеркнул, что лишь советский проект конвенции о всеобщем, полном и немедленном разоружении „в состоянии разрешить удовлетворительным образом проблемы всеобщей безопасности и мира"¹⁷. Совершенно необходимо отметить — продолжал он — что контроль над проведением всеобщего разоружения более легок, нежели контроль над проведением частичного разоружения. Советская делегация предложила перейти от теоретических рассуждений и разговоров к делу, ибо разговоров было уже более чем достаточно. Кроме собрания и Совета Лиги наций, которые занимались вопросом разоружения на 38 сессиях, 14 разных комиссий и других органов Лиги посвятили этому вопросу свыше 120 сессий¹⁸, причем общее собрание и Совет Лиги приняли 111 резолюций по вопросу о разоружении. „Обращаясь к результатам этой огромной по объему работы" — описание которой занимало кипы бумаги — „нельзя не констатировать

¹⁵ *В борьбе за мир. Советская делегация на V сессии Комиссии по разоружению*, Москва 1928, стр. 12—13.

¹⁶ *50 лет борьбы СССР за разоружение...*, стр. 100.

¹⁷ Там же, стр. 101.

¹⁸ Отмечаю, не заседаний, а сессий.

отсутствие хотя бы одного, сколько-нибудь значительного шага к осуществлению разоружения"¹⁹.

Отвечая на нападки иностранной печати, усматривавшей несоответствие между миролюбивыми предложениями Советского правительства и фактом усовершенствования Красной Армии, советская делегация отмечала, что, несмотря на то, что Красная Армия оставалась и остается исключительно орудием защиты, Советское правительство „готово полностью упразднить все вооруженные силы Союза, в соответствии со своим проектом конвенции, как только такое решение будет принято и будет одновременно осуществлять остальными государствами"²⁰.

Настаивая на скорейшем созыве международной конференции по разоружению, советская делегация требовала откровенного и недвусмысленного ответа на два основных вопроса; логически вытекающих из советского проекта: „1) Согласна ли комиссия положить в основу своей дальнейшей работы принципы полного разоружения в течение предлагаемого нами срока и 2) готова ли она провести первый этап разоружения с таким расчетом, чтобы уже по истечении одного года крайне затруднить, если не сделать совершенно невозможным, ведение войны"²¹. Если на эти вопросы будут даны положительные ответы, тогда можно будет приступить к детальному обсуждению советского проекта конвенции.

Центральной фигурой в лагере противников советского предложения о всеобщем, полном и немедленном разоружении был лорд Кашендэн. Он взял на себя миссию развернуть генеральное сражение против советского проекта. В своем выступлении, длившемся свыше двух часов, он приписывал Советскому правительству все возможные и невозможные грехи и проступки. Основываясь на одной из передовых газеты „Известия“, в которой говорилось о бесплодности работ Лиги наций и о том, что советская делегация послана в Женеву для разоблачения саботажа разоружения со стороны капиталистических стран. Кашендэн пытался обвинить Советское правительство в том, что оно послало своих представителей на сессию Подготовительной комиссии с подозрительными намерениями, подразумевая под этим традиционное обвинение в „коммунистической пропаганде“. Больше всего он сетовал на Советский Союз за то, что его правительство саботирует Лигу наций, которая вот уже восемь лет трудится над разрешением проблемы разоружения. Перейдя затем к анализу советского проекта конвенции, он пытался доказать его несостоятельность. Осо-

¹⁹ 50 лет борьбы СССР за разоружение..., стр. 102.

²⁰ Там же, стр. 103.

²¹ Там же, стр. 104.

бенно была не по душе британскому представителю статья 58 советского проекта, которая требовала уничтожения всех международных договоров, препятствующих разоружению. По мнению Кашендэна, „никто не будет отрицать, что при некоторых специальных обстоятельствах военные действия были не только санкционированы, но даже указаны Статутом Лиги наций”²². Не нравилось британскому делегату, что советский проект предусматривал передачу контрольных функций над выполнением конвенции специально создаваемому для этой цели органу, а не Совету Лиги наций, где Великобритания имела большое влияние.

Наконец, английский представитель подошел к своему узлюбленному коньку — обвинению Советского правительства в подготовку гражданских войн и вооруженных восстаний в других странах. Он самоуверенно оспаривал возможность полного разоружения для Великобритании, которая, как он провозгласил, взяла на себя тяжелую миссию администрирования среди диких малокультурных народов своих колоний и подмандатных территорий. Свою речь он закончил словами, что „прогресс это дело эволюции, а эволюция происходит медленно. Я не вижу никаких поводов к пессимизму. Я не вижу никаких поводов относиться к нашим обсуждениям, как к презренным пустякам. Я верю, то мы совершим великий прогресс”²³. В своем выступлении лорд Кашендэн пытался обойти вопрос о согласии своего правительства на полное разоружение, отвлекаясь от прямого ответа на этот вопрос пустыми разговорами о поведении Советского правительства и о его взаимоотношениях с Лигой наций, которые не имели непосредственного отношения к делу разоружения. Наглый тон английского представителя ободрил остальных представителей капиталистических стран.

Характерно, что американский представитель в Подготовительной комиссии, Гибсон вел оживленную переписку с государственным департаментом США о тактике американской делегации во время обсуждения советского проекта.

Гибсон в панике телеграфировал государственному секретарю США Келлогу 19 марта 1928 г., что создалась угроза совместного постатейного обсуждения как советского проекта, так и проекта, принятого III сессией Подготовительной комиссии, в которой не было ни одной предельной цифры для того или иного вида вооружений, в нем не было ни одного численного коэффициента сокращения вооружений. Он был по существу простой технической сводкой разногласий между государствами по вопросу сокращения и ограничения вооружений. Это необычно

²² *Société des Nations. Documents de la Commission préparatoire de la Conférence du désarmement...*, Série VI, Genève 1928, p. 247.

²³ Там же, стр. 251.

взволновало Гибсона, ибо обсуждение и сопоставление двух проектов, двух линий в проблеме разоружения грозило разоблачением империалистов. Гибсон писал Келлогу: „Если этот путь будет принят, нам следует обсудить с другими правительствами, сможем ли мы с какой-либо пользой участвовать в работе Подготовительной комиссии”²⁴.

Так, Гибсон ставил вопрос о выходе США из Подготовительной комиссии. Однако Келлог, боясь, что другие державы смогут свалить всю ответственность за неудачу разоружения на США, возражал против такого радикального действия²⁵.

Большую часть своего выступления американский делегат посвятил обоснованию требования немедленно отклонить советский проект конвенции о всеобщем, полном и немедленном разоружении. Он решительно возражал против создания комитета или комиссии для детального обсуждения этого вопроса или передачи его на рассмотрение правительством всех стран. Этим он еще раз продемонстрировал отсутствие стремлений американских правящих кругов к миру. Путь всеобщего и полного разоружения явно не устраивал американских империалистов. Поэтому Гибсон в конце своего выступления усиленно ратовал за продолжение бессмысленных дебатов Подготовительной комиссии вокруг ее проекта, одобренного III сессией. Гибсон заявил, что путь успешного завершения работы Подготовительной комиссии „лежит только через продолжение наших прежних работ, что мы не должны бросать эти работы или задерживаться с их завершением из-за рассмотрения новых предложений, которые мы искренне не считаем способными облегчить дело сокращения и ограничения вооружений”²⁶.

Выходило, что советские предложения о всеобщем, полном и немедленном разоружении лишь препятствовали, мешали, как говорил Гибсон, „делу сокращения и ограничения вооружений”.

В унисон с Кашендэном и Гибсоном выступали представители большинства остальных капиталистических стран.

Итальянский делегат, генерал де Маринис, высокопарно воздавая должное великим идеям всеобщего разоружения, отметил, что осуществление их способствовало бы еще вольшему размежеванию между большими и малыми нациями, которые не имеют своей промышленности, слабы в финансовом отношении и не сумели бы обеспечить свою безопасность без вооружений. Итальянский делегат высказал мнение, что одно лишь разоружение не гарантирует справедливого мира. Лишь

²⁴ *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1928, v. 1, Washington 1942, p. 250.*

²⁵ Там же, стр. 251.

²⁶ *Société des Nations. Documents de la Commission préparatoire de la Conférence du désarmement...*, Série VI, p. 259.

установление военной безопасности, включая экономическую и социальную безопасность, является солидной гарантией мира, основанного на истинной справедливости. Отсюда де Маринис заключил, что вот этих-то гарантий экономической и социальной безопасности и нет в советском проекте, а без них-де всеобщее разоружение совершенно невозможно. Таковы были „логические“ аргументы представителя фашистской Италии против советских миролюбивых предложений.

Выступление французского делегата графа Клозеля не отличалось ни оригинальностью, ни новизной „доводов“ против советского проекта. Он ограничился повторением избитых антисоветских измышлений.

Представитель Японии Сато заявил, что советский проект противоречит духу и букве Статута Лиги наций. Может ли в таком случае — обратился он с вопросом к присутствующим — Подготовительная комиссия, созданная Лигой наций, обсуждать этот проект без специальных полномочий, данных Лигой наций, и без изменения ее Статута? Так, не вдаваясь в анализ советских предложений, он требовал отклонения их по юридическим мотивам сомнительного свойства.

Выступление греческого делегата Политиса было посвящено детальному „юридическому“ обоснованию несовместимости советского проекта со статьей 8 Статута Лиги наций. Политис подчеркнул, что при полном разоружении будут невозможны санкции, предусмотренные Статутом Лиги наций. В обществе, совершенно разоруженном — говорил он — потребуются более основательные гарантии, нежели в современном. Вообще же всеобщее и полное разоружение может быть осуществлено лишь после выполнения условий статьи 8 Статута Лиги наций и установления экономического и гражданского равновесия. Он сравнивал работу Лиги наций с многолетними трудами и научными исследованиями ученого в лаборатории, а веру в советский проект с верой в чудодейственный эликсир²⁷. На этом основании Политис отвергал предложения делегации СССР и призывал Советский Союз лояльно идти по пути сотрудничества с капиталистическим миром и вступить в Лигу наций. Таковы были „доводы“ отклонения советского проекта о всеобщем, полном и немедленном разоружении. В выступлениях остальных делегатов не было ничего нового.

Несколько иную линию в отношении советского проекта занимала делегация Германии. Германская дипломатия стремилась вырвать у английского, французского и американского правительств согласие на уничтожение или по крайней мере ослабление для Германии версальских военных ограничений. Поэтому германская делегация была одной из немногих, голосовавших в защиту советских предложений.

²⁷ Там же, стр. 265.

Дискуссия показала отрицательное отношение капиталистического мира к советскому предложению о всеобщем и полном разоружении. Она разоблачила отказ правительств капиталистических стран от материального разоружения. Монополисты США, Англии и других капиталистических стран стремились не к разоружению и миру, а к вооружению и войнам.

Ответная речь главы советской делегации была сокрушительной критикой выступлений большинства ораторов, в первую очередь, речи английского лорда. Пункт за пунктом он показал несостоятельность британских обвинений и раскрыл их клеветнический антисоветский характер.

Советский делегат разоблачил английское обвинение о саботировании Лиги наций. В момент своего возникновения не Советское государство саботировало Лигу наций, а сама Лига, верная защитница империалистических интересов, саботировала молодую Советскую республику и стала даже одним из центров антисоветского движения.

Английский делегат упрекнул Советский Союз в подготовке гражданских войн и вмешательстве во внутренние дела других стран. Это обвинение, как известно, базировалось на различных фальшивках и подложных документах, бывших предлогом для разрыва англо-советских дипломатических отношений и развертывания гнусной антисоветской кампании.

Глава советской делегации заметил, что британское правительство несколько странно рассматривает понятие вмешательства во внутренние дела других стран. Оно склонно было считать вмешательством какую-нибудь произнесенную речь или напечатанную в Москве статью относительно внутренней политики другой страны. Однако оно не признавало прямых актов вооруженного вмешательства Англии во внутренние дела других стран, например, обстрел иностранных городов, таких как Нанкин, нанесший страшный урон мирному китайскому населению, попытки разжечь гражданскую войну в Иране. С подобной концепцией Советское правительство, конечно, не могло согласиться.

Отвечая на заявление противников советского предложения о несоответствии его со Статутом Лиги нации, советский представитель отметил, что статья 8 Статута Лиги „ни в коем случае не должна служить препятствием к дальнейшему и полному разоружению, если того пожелают члены Лиги. Мне кажется — особенно подчеркнул М. М. Литвинов — что было бы трудно придумать лучшее средство дискредитировать Лигу Наций, чем утверждение, что она является барьером на пути к полному разоружению”²⁸.

²⁸ *Документы внешней политики СССР*, Том XI, Москва 1966, стр. 21.

Глава советской делегации заключил свое выступление следующими словами: „Какова бы ни была участь нашего проекта в данной сессии Подготовительной комиссии по разоружению, мы продолжаем верить, что всеобщее и немедленное разоружение является единственной эффективной гарантией мира, отвечающей не только отдаленным идеалам, но и насущным современным требованиям человечества”²⁹.

В результате непродолжительной дискуссии, несмотря на неоспоримость аргументов главы советской делегации, капиталистическое большинство комиссии приняло следующую резолюцию: „Подготовительная комиссия к конференции по разоружению, рассмотрев основы проекта конвенции о немедленном, полном и всеобщем разоружении, представленного СССР, констатирует, что ее члены почти единогласно сочли, что этот проект не может быть принят комиссией в качестве основы для ее работ, которые должны будут вестись по намеченному уже пути”³⁰. Так Подготовительная комиссия решила отделаться от советского проекта.

В борьбе против советских предложений, стремясь не допустить разоружения, империалисты на время забыли свои разногласия. Уилер-Беннет отмечал, что единственным положительным моментом обсуждения советского проекта конвенции о всеобщем, полном и немедленном разоружении было единство капиталистического большинства Подготовительной комиссии против Советского проекта. Он с сожалением констатировал, что подобное единодушие никогда не проявлялось ни на предыдущих, ни на последующих сессиях³¹. Английский историк особенно рад, что это единство достигнуто в борьбе против всеобщего разоружения.

Светский проект о всеобщем, полном и немедленном разоружении был с восторгом встречен широкими массами трудящихся во всех странах мира. Особенно горячо его встретили в колониальных и зависимых странах³².

²⁹ Там же, стр. 211.

³⁰ *Société des Nations. Documents de la Commission préparatoire de la Conférence du désarmement...*, Série VI, p. 307—312.

³¹ J. W. Wheeler-Bennett, *Disarmament and Security since Locarno — 1925—1931*, London 1932, p. 237.

³² Издаваемая в Индии газета „Хиндустан таймс” писала: „Советский проект конвенции был отклонен, потому что он противоречит расчетам английских империалистов и всех остальных милитаристов Европы. Прения по поводу советских предложений внесли полную ясность в положение дел в Женеве. Искренность Советского правительства заставила профессиональных адвокатов мира и женевских странствующих актеров сбросить маски”. („Правда” 6 IV 1928 г.). Принципы советского проекта были одобрены и иранской газетой. „Хотя советскому проекту, — писала газета „Иран” 3 апреля 1928 г., — не суждено привести к цели, однако он является зерном, которое в будущем даст обильную жатву”. („Правда” 5 IV 1928 г.).

Буржуазная пресса вынуждена была констатировать блестящую моральную победу советской дипломатии, одержанную в Женеве.

Немецкая газета „Дейчланд“ следующим образом характеризовала поединок между советской и английской делегацией на поле Подготовительной комиссии: „Неуклюжее выступление Кашендэна дало советской делегации возможность пролить свет на английскую политику в Женеве, который по своей ослепительности не уступает бенгальскому огню. Россия впервые в Женеве померялась силами с Англией и поистине с хорошими для себя результатами“³³. Другая немецкая газета также отмечала моральное поражение английского делегата. Она писала, что Кашендэн „в Женеве несомненно потерпел серьезное поражение [...] Русские могут быть довольны, они выиграли блестящую игру. Случилось не так, как хотел Кашендэн [...] Русские могут зарегистрировать двойной успех: во-первых, во внешней политике, во-вторых, в политике разоружения“³⁴.

Леон Блюм, лидер французских социалистов, вынужден был отметить положительное, прогрессивное значение советского проекта. Он писал в „Попюлер“, что сила советского проекта „заключается в том, что он решительно подошел к самой цели разоружения в ожидании, когда приступят к делу разоружения. Его формула всеобщего, полного и немедленного разоружения может быть резка, упрощена, но в ней то достоинство, что она возвращает европейское общественное мнение и самое Лигу наций к главному вопросу, к подлинному вопросу, существует ли желание разоружиться или нет. Полное разоружение представляло бы реальную гарантию мира“³⁵.

Коммунистическая пресса всех стран с гордостью отмечала моральную победу советской делегации над противниками. Она констатировала объективное превосходство советской политики мира над империалистической политикой, проводимой капиталистическими державами.

Учитывая создавшуюся ситуацию, советская делегация заявила: „Так как большинство делегатов противопоставило здесь нашим предложениям о всеобщем и полном разоружении идею частичного, постепенного разоружения, т.е. постепенного сокращения существующих вооружений путем нескольких этапов, советская делегация решила попытаться найти общую с другими делегациями почву хотя бы только в области проведения такого частичного разоружения“³⁶.

³³ „Deutschland“ 28 III 1928.

³⁴ „Kölnische Zeitung“ 23 III 1928.

³⁵ „Populaire“ 27 III 1928.

³⁶ *Документы внешней политики СССР*, том XI, стр. 213.

Советская делегация констатировала, что Подготовительная комиссия не имеет ни одного проекта частичного разоружения, который мог бы быть подвергнут немедленному обсуждению, так как проект, обсуждавшийся на III сессии Подготовительной комиссии, чреват непримиримыми противоречиями. Это заявление советской делегации, сделанное через несколько часов после отклонения советского проекта конвенции о всеобщем, полном и немедленном разоружении на вечернем заседании 23 марта 1928 г., вызвало волнение среди остальных членов комиссии, тем более что оно было для них совершенно неожиданно.

Советский проект конвенции о сокращении вооружений³⁷ основывался на принципе прогрессивного сокращения всех видов вооружения соответственно составу и численности вооруженных сил различных государств. Этот метод больше всего защищал интересы наиболее слабых государств, находящихся в экономической зависимости от великих держав.

Новый советский проект конвенции о сокращении вооружений делил все страны на четыре группы. В группу „А” входили государства, армии которых превышали 200 тыс. человек. В группу „Б” — страны с армией, насчитывающей свыше 40 тыс. человек. В группу „В” — остальные государства. Страны, разоруженные по мирным договорам, составляли группу „Г”. Согласно второй статье проекта, государства группы „А” сокращали свои сухопутные силы на половину, группы „Б” — на треть, группы „В” — на четверть.

Размеры сухопутных вооруженных сил государств группы „Г” надлежало установить на конференции по разоружению. Пропорционально сокращалась численность обученных резервов. Численность организованных по военному образцу полицейских сил, жандармерии, таможенной стражи, лесной охраны и остальных военных образований подобного типа предполагалось установить на основе особой конвенции.

Вооружения и военные материалы предлагалось ограничить в строгом соответствии с данным количеством войск: танки, сверхдальняя артиллерия, средства воздушной и химической войны подлежали уничтожению.

В отношении военно-морских сил государства делились на две группы: 1) страны, имеющие флот водоизмещением свыше 200 тыс. тонн, должны были сократить свой флот на половину не только по общей сумме тоннажа, но и по сумме тоннажа следующих классов военных кораблей: линейные суда, боевые корабли водоизмещением

³⁷ 50 лет борьбы СССР за разоружение..., стр. 105—119.

в 10 тыс. тонн, легкие суда, подводные лодки; 2) государства, имеющие флот, общий тоннаж которого менее 200 тыс. тонн, должны были сократить его на четверть. При замене устаревших кораблей запрещалось строить военные суда свыше 10 тыс. тонн. Предельный калибр артиллерии, установленной на военных кораблях, не должен был превышать 12 дюймов. Подлежал ограничению запас артиллерийских снарядов и торпед.

В области воздушных вооружений все государства были подразделены на три группы: страны, имеющие свыше 200 действующих самолетов, составляли группу „Д“; страны, имеющие на вооружении от 100 до 200 самолетов, — группу „Е“. Остальные государства, имеющие менее 100 самолетов, составляли группу „Ж“. Мощность мотора каждого самолета не должна была превышать 400 лошадиных сил. Государства группы „Д“ должны были сократить свои военно-воздушные силы на половину, группы „Е“ — на треть и группы „Ж“ — на четверть.

Военные бюджеты подлежали пропорциональному сокращению, согласно коэффициентам, по группам — сухопутных, морских и воздушных сил. Осуществление сокращения вооружений должно было производиться в течение двухлетнего срока.

Для проведения контроля над выполнением конвенции предполагалось создать международную постоянную контрольную комиссию из представителей всех государств, участвовавших в конвенции; при ней должен быть образован Международный постоянный комитет экспертов. Конвенция должна была войти в силу после ее ратификации всеми государствами, входящими в группы „А“ и „Б“ по сокращению сухопутных вооружений или имеющими военноморской флот свыше 200 тыс. тонн общего водоизмещения.

После оглашения нового советского предложения — проекта конвенции о сокращении вооружений — делегации капиталистических стран еще больше ополчились на советских представителей, требуя немедленного закрытия V сессии Подготовительной комиссии. Такую же тактику проводил и председатель Подготовительной комиссии Лоудон, который решительно отказался поставить советский проект конвенции о сокращении вооружений на обсуждение текущей сессии, мотивируя неожиданностью его появления.

Протестуя против такой постановки вопроса, советский делегат отметил, что английский и французский проекты конвенции тоже появились на III сессии Подготовительной комиссии внезапно, однако никто из делегатов не предлагал отложить их или передать на дальнейшее рассмотрение правительств — наоборот, их тотчас же начали обсуждать. Несмотря на это, капиталистическое большинство Подготовитель-

ной комиссии отложило обсуждение советского проекта до следующей, VI сессии.

Советский проект конвенции о сокращении вооружений и итоги V сессии Подготовительной комиссии стали объектом широкого обсуждения иностранной прессы. Прогрессивная и коммунистическая печать приветствовали новые советские предложения.

Джавахарлал Неру, возвратясь в 1928 г. из поездки в СССР, писал: „Каждому изучающему современную историю, ясно, что Россия не хочет войны. В то же время Англия заведомо готовится к войне и отказывается принять любое эффективное предложение в области разоружения“³⁸.

Международная конференция общества „Друзья Советской России“ в Кельне, в котором участвовали делегаты Англии, Франции, Бельгии, Австрии, Чехословакии и других стран и международных организаций, приняла 28 мая 1928 г. резолюцию. В ней отмечалось, что „большие и малые капиталистические государства с удивительным единодушием не только отклонили предложение Советского Союза, которое было сделано в комиссии Лиги наций по разоружению, но даже отказались принять предложение о частичном разоружении. Сразу же после отклонения предложений Советского Союза по разоружению последовала чрезвычайно острая кампания против Советского Союза“³⁹. Исходя из этого, конференция призвала трудящихся к защите СССР, к борьбе против антисоветских провокаций.

В воззвании Международного союза бывших фронтовиков, подписанном известным французским писателем Анри Барбюсом, указывалось, что „Лига наций на сорока сессиях неоднократно затрагивала проблему разоружения, в результате чего было лишь принято 120 резолюций, одни платоничнее других, и отвергнуто конкретное и ясное предложение о разоружении, изложенное представителем СССР“⁴⁰.

Блестящий успех внешней политики Советского Союза отмечался всюду. Американская газета „Нью-Йорк геральд трибюн“ отмечала, что только советская делегация может похвалиться успехом, ей удалось разоблачить международное противодействие советскому проекту“⁴¹.

Постановление ЦИК СССР, принятое 21 апреля 1928 г., выражало одобрение действиям советской делегации на V сессии Подготовитель-

³⁸ *Большая Октябрьская революция и мировое освободительное движение*, Москва 1958, том 2, стр. 187.

³⁹ *Из истории международной пролетарской солидарности. Документы и материалы*. Сбор. IV. *Международная пролетарская солидарность в борьбе с наступлением фашизма (1928—1932)*, Москва 1960, стр. 52.

⁴⁰ Там же, стр. 58.

⁴¹ „New York Herald Tribune“ 26 III 1928.

ной комиссии. ЦИК СССР указывал, что советская делегация, „продолжая отстаивать программу полного разоружения, как единственно способную предотвратить опасность военных конфликтов между народами и выражающую основные принципы мирной политики Советского правительства, в то же время, ввиду полной невозможности проведения этой программы при совершенно непримиримом и враждебном к ней отношении подавляющего большинства капиталистических держав, внесла проект частичного разоружения, хотя и не полностью отражающий стремление Советского правительства к упрочению мирных отношений между народами, но все же в некоторой степени могущий ослабить опасность военных столкновений и уменьшить бремя вооружений, лежащее на трудящихся массах.

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР, провозглашая еще раз перед всем миром неуклонное стремление народов Советского Союза к мирному сожителству со всеми другими народами и решимость Советского правительства прилагать все усилия к полному и окончательному устранению войны, как метода разрешения споров между государствами, предлагает Президиуму Центрального Исполнительного Комитета и Совету Народных Комиссаров Союза ССР отстаивать и в дальнейшем программу полного разоружения не пренебрегая ни малейшей возможностью достижения хотя бы частичных и временных положительных результатов в этой области”⁴².

Высоко оценил советские предложения о разоружении VI конгресс Коммунистического Интернационала. В тезисах конгресса отмечалось: „Позиция Советского Союза в вопросе о разоружении является продолжением политики Ленина и последовательным проведением в жизнь его учения”⁴³.

Необходимо признать огромным достижением, крупным успехом то, что Советскому государству, несмотря на серьезные преграды и препятствия, удалось добиться, впервые в истории, постановки и обсуждения по существу на широкой международной арене идеи полного и всеобщего разоружения. Пусть эта великая идея была пока отклонена, но весь мир узнал, кто был ее защитником, какие государства последовательно и неуклонно боролись за разоружение, и кто был ее противником.

Открывая 15 апреля 1929 г. VI сессию, председатель Подготовительной комиссии, Лоудон, стремился по существу сорвать обсуждение советского проекта конвенции о сокращении вооружений. Он предло-

⁴² 50 лет борьбы СССР за разоружение..., стр. 119—120.

⁴³ Коммунистический Интернационал в документах, 1931—1932, Москва 1933, стр. 826.

жил комиссии дать заключение, укладывается ли советский проект в рамки проекта, выработанного на III сессии в 1927 г.

Глава советской делегации разоблачил попытку Лоудона подвергнуть советский проект конвенции о сокращении вооружений формальному обсуждению и, заканчивая свое выступление, потребовал поставить обсуждение советского проекта первым вопросом порядка дня, „но не для отклонения его по формальным соображениям или из страха перед его новизной, или из-за привязанности к старым, хотя и ошибочным путям, а для детального его изучения и обсуждения по существу“⁴⁴.

Представитель СССР отмечал, что советский проект конвенции о сокращении вооружений имел огромное преимущество перед другими проектами, ибо, „предлагая одинаковое разоружение почти всем государствам, он затрудняет или даже делает невозможным отказ от разоружения со стороны того или иного правительства со ссылкой на ущерб, наносимый разоружением специальным интересам его страны“⁴⁵.

Душой советского проекта был принцип пропорционального сокращения вооружений. Защищая достоинства проекта, член делегации СССР А. А. Лапговой кратко изложил его основы. Они сводились к следующему:

1) конкретность и ясность советского проекта как в отношении методов, так и цифровых коэффициентов сокращения вооружений;

2) упомянутые в проекте цифры не имели абсолютного значения. Их целью являлось уменьшение бремени милитаризации и угрозы войны посредством значительного сокращения вооружений;

3) принцип сокращения вооружений предусматривал значительное уменьшение вооружений и не легализовал сохранение или ограничение вооружений;

4) хотя в основу был положен принцип пропорционального сокращения вооружений, в отношении малых стран допускалось несколько меньшее сокращение вооружений, с учетом того, что их вооружения не представляют угрозы для мира;

5) советское предложение предусматривало уничтожение в первую очередь вооружений наступательного характера (бомбардировочной авиации, сверхдальней артиллерии, постепенную замену линкоров судами не свыше 10 тыс. тонн и т.д.);

6) советский проект ставил перед собой задачу затруднить, а не облегчить ведение войны⁴⁶.

⁴⁴ *Документы внешней политики СССР*, том XII, Москва 1967, стр. 177.

⁴⁵ Там же, стр. 175.

⁴⁶ Там же, стр. 178—185.

Первый в прениях произнес речь представитель Японии Сато. Он отклонил советский проект по ряду „причин“: 1) советский проект — говорил он — не учитывает статьи 8 Статуса Лиги наций, т.е. не учитывает необходимости наличия безопасности, определение которой сугубо индивидуально и субъективно для каждой страны, в зависимости от географических и особых условий и 2) предложение СССР воспроизводит математические коэффициенты сокращения вооружений, принцип которых был отклонен Лигой наций еще в 1922 г. Кроме того, он напомнил, что на I сессии Подготовительной комиссии было решено считать вопрос о цифрах не входящим в компетенцию комиссии. В заключение он обратился к советской делегации с призывом не настаивать на установлении определенных цифр, предоставив это грядущей конференции по разоружению⁴⁷.

Основные аргументы представителя Франции, Массильи были направлены против советского принципа пропорционального сокращения вооружений. Массильи высказал опасение, что после сокращения вооружений государства, имеющие армию в 210 тыс. человек и 180 тыс. человек, попадут в разные положения: армия первого будет равно 105 тыс. человек, в то время как армия второго — 120 тыс. человек.

Отвечая критикам советского проекта, глава советской делегации указал на невозможность и неосуществимость субъективного подхода к нуждам безопасности различных государств. Было необходимо найти такой критерий разоружения, который не нарушил бы безопасности ни одного государства. „Таким критерием могут быть только беспристрастная математическая величина и принцип пропорциональности“⁴⁸. Глава советской делегации отметил, что представитель Франции подверг критике лишь второстепенные пункты советского проекта, а приведенный им пример о сокращении армии в 210 тыс. человек и 180 тыс. человек, хотя теоретически и возможен, но при практическом рассмотрении существующих армий вряд ли будет иметь место. Советский представитель отверг также попытку передать советский проект на рассмотрение специальной подкомиссии прежде, чем будет решен вопрос о его принятии или отклонении в целом.

После возражения Сато, повторившего свои старые аргументы, председатель комиссии Лоудон пытался без голосования прекратить прения и перейти к следующему вопросу повестки дня, обосновывая это тем, что большинство делегации не склонно принять советский проект в качестве основы обсуждения. Поскольку высказались только

⁴⁷ *Société des Nations. Documents de la Commission préparatoire de la Conférence du désarmement...*, Série VIII, Genève 1929, p. 24.

⁴⁸ *Документы внешней политики СССР*, Том XII, стр. 188.

четыре делегации, представитель СССР настаивал на продолжении прений. Предлагая всем членам комиссии высказаться по существу проекта, советская делегация составила письменный проект резолюции по вопросу о сокращении вооружений. Этот документ гласил: „Желая возможно больше уточнить стоящую перед ней задачу, заключающуюся в подготовке скорейшего и максимально успешного разрешения проблемы разоружения, Подготовительная комиссия конференции по разоружению решает:

1) Проект конвенции, имеющий быть представленным конференции по разоружению, выработать на основе существенного сокращения нынешних вооруженных сил.

2) Включить в проект конвенции методы сокращения вооружений, основанные на принципе пропорциональности или на другом критерии такого же объективного характера, одинаково применимого ко всем государствам, с допущением некоторых отступлений лишь в пользу малых, недостаточно защищенных государств.

3) Включить в проект конвенции цифровые коэффициенты сокращения вооружений⁴⁹.

Советская делегация предложила проголосовать эту резолюцию раздельно по пунктам. Таким образом, голосование показало бы, кто за и кто против разоружения. Ясная постановка вопроса главой советской делегации разоблачила маневры капиталистического большинства Подготовительной комиссии, боявшегося дать четкий и членораздельный ответ по пунктам советского проекта резолюции. Чтобы уклониться от высказывания своего отношения к принципам советского проекта по существу, чехословацкий делегат предложил запросить отзыв президиума о соответствии советского предложения компетенции Подготовительной комиссии.

Лишь делегат Италии генерал де Маринис решился ответить по существу на вопросы, поставленные советским представителем. Ответив положительно на первый пункт резолюции, он добавил, что итальянское правительство согласится на любую цифру сокращения вооружений с тем лишь условием, если вооруженные силы Италии не должны быть ниже вооруженных сил любой державы европейского континента. Это требование предполагало установление равенства в вооружениях с Францией, но так как экономическое и финансовое положение Италии не позволяло ей вступить в соревнование с Францией, то итальянская дипломатия, пытаясь достичь равенства, требовала сокращения французских вооружений до уровня итальянских. Итак, истинной причиной согласия фашистской Италии на сокраще-

⁴⁹ 50 лет борьбы СССР за разоружение..., стр. 133—134.

ние вооружений было не стремление к разоружению, а желание добиться уменьшения бооружений своего империалистического соперника — Франции. Итальянский делегат отверг второй пункт советской резолюции. Третий пункт он предложил передать на рассмотрение конференции пелагая, что лишь Всеобщая конференция по разоружению правомочна фиксировать числовые коэффициенты.

Советский представитель возражал против передачи проекта резолюции, предложенной делегацией СССР, на рассмотрение президиума комиссии, ибо это была очередная попытка уклониться от прямого и открытого голосования за и против разоружения. Советский делегат отметил, что президиум комиссии не должен стать ширмой, за которую прятались бы правительства, уклоняющиеся от ответственности за голосование. Однако большинство Подготовительной комиссии отклонило возражения советской делегации.

Суждение президиума основывалось на решении Совета Лиги наций, который поручил Подготовительной комиссии „не осуществлять сокращение вооружений, но подготовить план сокращения национальных вооружений до наиболее низкого уровня, соответствующего национальной безопасности и выполнению международных обязательств, налагаемых общим выступлением“.

Не принимая принципа пропорционального сокращения вооружений, Подготовительная комиссия не исключала в то же время, что Всеобщая конференция, возможно, учтет как этот принцип, так и всякий другой „объективный критерий подобного рода в дополнении к тем, которые указаны“ в статье 8 Статута Лиги. Так как числовые коэффициенты сокращения вооружений являются применением принципа пропорциональности, комиссия отвергала их. Суждение президиума заканчивалось следующими надгробными словами: „Подготовительная комиссия, продолжая рассмотрение своего проекта 1927 г., должна решить, если советская делегация того пожелает, присоединить ли без ущерба и на равных основаниях со всеми другими делегациями советский проект конвенции к докладу“ Подготовительной комиссии будущей конференции, не нарушая при этом права советской делегации вносить поправки к проекту 1927 г. в процессе его обсуждения Подготовительной комиссией⁵⁰.

Не принимая во внимание противоречивые заявления делегатов, Лоудон объявил суждение президиума принятым комиссией без голосования.

Так как Лоудон отказался дать слово главе советской делегации для оглашения декларации по поводу отклонения советского проекта

⁵⁰ *Документы внешней политики СССР*, Том XII, стр. 747.

конвенции о сокращении вооружений, то эта декларация была передана членам комиссии в письменном виде.

Советская декларация указывала, что отклонение советского проекта и работа Подготовительной комиссии старыми методами вызывают лишь затягивание на бесконечное время разрешения проблемы разоружения.

„Но эта деятельность — отмечалось в советской декларации — имеет еще и то отрицательное значение, что она скрывает от взоров широких народных масс, требующих разоружения, политику правительств, представленных в Подготовительной комиссии, направленную в большинстве случаев к недопущению какого бы то ни было сокращения вооружений. Таким образом, Подготовительная комиссия как бы служит ширмой, скрывающей нежелание правительств сокращать свои вооружения, снимая с них ответственность за сопротивление разоружению“.

Создание подобной ситуации „могло бы оправдать уход делегации СССР из Подготовительной комиссии“, но Советское правительство решило не отзываться своих представителей из Женевы, „чтобы не давать никому повода приписывать безуспешность и безрезультатность работ Подготовительной комиссии и самой конференции по разоружению неучастию в них представителей Советского правительства“.

В заключении советской декларации отмечалось: „Советская делегация остается в Подготовительной комиссии в надежде на то, что представленные в ней правительства под давлением общественного мнения и главным образом требований рабочих организаций будут вынуждены дать свое согласие, если не на полное разоружение, то на существенное сокращение вооружений“⁵¹. Советская декларация была важным документом, характеризующим принципы внешней политики Советского Союза.

Иностранная пресса отмечала моральное поражение противников советских проектов и настойчивую борьбу советской дипломатии за разоружение. „Дейче Тагесцейтунг“ писала: „Хотя руководителям и передовым бойцам за саботаж дела разоружения и удалось отбить атаку русских, тем не менее [...] они вынуждены были признать, что победа их незначительна и имеет характер Пирровой победы. Литвинов, однако, не доставил им удовольствия и не покинул Женеву“⁵².

Оставаясь в Подготовительной комиссии, советская делегация отстаивала самые радикальные проекты и предложения о сокращении и ограничении вооружений. Участие Советского Союза в Подготови-

⁵¹ 50 лет борьбы СССР за разоружение..., стр. 139—140.

⁵² „Deutsche Tageszeitung“ 22 IV 1929.

тельной комиссии было одним из многих способов, посредством которых Советское правительство осуществляло свою мирную политику и боролось против военной опасности.

Отклонением советских проектов капиталистические страны продемонстрировали не только свое нежелание провести действительное сокращение вооружений, но и свою вражду против СССР. Антисоветская политика великих держав капиталистического мира не давала возможности подробно обсудить советский проект конвенции о сокращении вооружений, хотя, по мнению многих специалистов и общественных деятелей, в нем было много полезного для дела разоружения. Это констатировал известный английский историк, директор Британского королевского института международных отношений, профессор Тойнби. Он писал в международном обзоре за 1929 г.: „Может быть русский проект вызвал бы к себе большое внимание со стороны Подготовительной комиссии, если бы он исходил из другого источника”⁵³. Давая ему общую положительную оценку, Тойнби особенно отмечал, что советский проект выдвинул правильные и полезные принципы коллективной безопасности и коллективной ответственности.

Другой английский историк Уилер-Беннет отмечал, что в советских предложениях „много ценного и важного”⁵⁴.

На Всеобщей конференции по разоружению советская делегация призвала участников конференции одобрить принцип всеобщего и полного разоружения. В проекте советской резолюции говорилось, что „конференция решает положить в основу своих работ принцип всеобщего и полного разоружения”⁵⁵.

Выступая в защиту советского проекта резолюции 25 февраля 1932 г., М. М. Литвинов заявил на заседании Генеральной комиссии конференции: „Мы глубоко убеждены в том, что только равенство в отсутствии вооружений, равенство на нуле создаст действительную гарантию безопасности для народов”⁵⁶.

Министр иностранных дел Турции, Тефик Рюкшо Арси во время прений указал, что турецкое правительство с симпатией относится к советскому предложению. „Если оно может быть принято, все другие отпадут сами собой”⁵⁷. Однако принцип всеобщего и полного разоружения был одобрен лишь делегациями трех стран.

⁵³ *Survey of International Affairs 1929*, by A. I. Toynbee, Oxford—London 1930, p. 26.

⁵⁴ I. W. Wheeler-Bennett, *Disarmament and Security since Locarno. 1925—1931*, London 1932, p. 239.

⁵⁵ *50 лет борьбы СССР за разоружение...*, стр. 171.

⁵⁶ *Документы внешней политики СССР*, Том XV, Москва 1969, стр. 138.

⁵⁷ *Société des Nations. Actes de la Conférence pour la réduction et la limita-*

Против советского предложения выступил представитель Греции. Политис, который призвал „идти по пути, проложенному Лигой наций“, чтобы путем постепенного сокращения вооружений прийти к разоруженному миру⁵⁸. Испанский делегат, С. Мадариага считал, что метод всеобщего и полного разоружения возможен лишь в теории, в политике же он даст губительные результаты⁵⁹.

Советская делегация не намерена была предлагать конференции принципы всеобщего и полного разоружения как ультиматум. Поэтому одновременно с проектом резолюции о всеобщем и полном разоружении советская делегация, учитывая, что конференция может его отклонить, предложила также свой проект конвенции о пропорциональном сокращении вооружений, рекомендованный в 1928 г. Подготовительной комиссии. Советское правительство внесло в этот проект целый ряд поправок и исправлений, сделав его более приемлемым для участников Всеобщей конференции по разоружению⁶⁰. Однако и этот советский проект был отклонен капиталистическим большинством Конференции.

В целях создания атмосферы доверия советская делегация голосовала за проект резолюции, предложенный английским делегатом Сайманом, который был принят единогласно. Текст резолюции гласил: „Генеральная комиссия решает продолжать обсуждение в рамках проекта конвенции о сокращении и ограничении вооружений, сохраняя за всеми делегациями полную свободу развивать свои собственные предложения во время последующих дебатов и представлять в нужный момент свои поправки в виде изменений, дополнений или изъятий“⁶¹.

Советская делегация на заседаниях различных органов Всеобщей конференции активно поддерживала все проекты, предложения и поправки, направленные к действительному сокращению вооружений.

Идеи всеобщего и полного разоружения, ликвидации армий и уничтожения вооружений, выдвинутые и пропагандируемые Советским Союзом, были одобрены как отдельными прогрессивными деятелями, так и рядом международных и национальных организаций: Международная женская лига борьбы за мир и свободу выразила благодарность советской делегации за то, что она выдвинула на заседаниях Всеобщей конференции по разоружению „проект полного разоружения,

tion des armements. Série B, Procès-verbal de la Commission générale, V. I, Genève 1932, p. 9.

⁵⁸ Там же, стр. 10.

⁵⁹ Там же, стр. 10—11.

⁶⁰ 50 лет борьбы СССР за разоружение..., стр. 172—174.

⁶¹ Документы внешней политики СССР, том XVI, Москва 1970, стр. 743—744.

единственно только и способный обеспечить безопасность". Письмо Международной женской лиги отмечало, что „когда люди пойдут по этому пути, они отдадут должное СССР, указавшему этот путь"⁶²

Ряд выдающихся деятелей Великобритании — Бертран Рассел, Понсонби, художники Найт. Лоу, писатели, научные работники опубликовали Манифест, призывавший английское правительство полностью поддержать предложенный СССР проект разоружения⁶³. За всеобщее разоружение высказался знаменитый ученый-физик Альберт Эйнштейн⁶⁴. Английский политический деятель Ленсбери сказал: „Мое сердце испытывает влечение к предложениям, сделанным русскими. Я не коммунист и никогда не был членом Коммунистической партии, по серьезным и основательным причинам личного характера. Но рано или поздно те, кто хочет мира в мире, примут участие в обсуждении и вынуждены будут согласиться с идеей устранения армий, флотов и военно-воздушных сил. Я не думаю, что Конференция по разоружению сослужит какую-нибудь службу, если она не придет к вопросу всеобщего и полного уничтожения всех национальных вооружений"⁶⁵. Видный французский журналист О. Розенфельд писал, что советский проект резолюции „Хорошо формулирует основные принципы, которыми должна вдохновляться конференция, если она действительно хочет достичь всеобщего разоружения и укрепления мира"⁶⁶.

Но далеко не все газеты и журналы одобряли советские проекты разоружения. Большая часть буржуазной прессы выступала с резкими нападками на предложения Советского Союза. Так французский журналист Пертинакс писал: „Генеральная комиссия Конференции сегодня утром избавилась от проектов о всеобщем и немедленном разоружении". При этом он своеобразно оправдывал свое отрицательное отношение к советскому проекту всеобщего и полного разоружения: „Если бы все вооружения и все вооруженные силы были ликвидированы и если бы конвенция об этом выполнялась, то самые дикие и самые многочисленные народы навязали бы свою волю с помощью больших камней и маленьких ножей"⁶⁷. Это было единственной „причиной" невозможности всеобщего и полного разоружения. Подобные „объяснения" приводились и другими противниками разоружения.

Обсуждение советских предложений в Подготовительной комиссии, на Всеобщей конференции по разоружению и за их стенами показало,

⁶² „Известия" 28 II 1932.

⁶³ „Известия" 10 III 1932.

⁶⁴ „Temps" 24 V 1932.

⁶⁵ „Times" 8 IV 1932.

⁶⁶ „Populaire" 26 II 1932.

⁶⁷ „Echo de Paris" 27 II 1932.

кто сторонник и кто противник всеобщего разоружения. Отношение Советского Союза к проблеме разоружения в корне отличалось от позиции капиталистических стран. СССР был единственным государством, которое последовательно и неуклонно вело политику мира, выступая за разоружение, за облегчение чрезмерных военных тягот, падающих на плечи трудящихся.

В годы между первой и второй мировыми войнами Советский Союз своими выступлениями в защиту разоружения в трудных условиях враждебного капиталистического окружения заложил прочный фундамент для расширения и усиления борьбы за мир и разоружение в наши дни.

Instytut Międzynarodowego Ruchu Robotniczego
Akademii Nauk ZSRR

Wiktor M. Chajcman

RADZIECKIE PROJEKTY KONWENCJI O POWSZECHNYM, CAŁKOWITYM I NATYCHMIASTOWYM ROZBROJENIU I OGRANICZENIU ZBROJEŃ W KOMISJI PRZYGOTOWAWCZEJ

Pierwsze na świecie państwo socjalistyczne — Rosja Radziecka — od początku swego istnienia rozpoczęła walkę o pokój między narodami. Uczestnicząc w pierwszej międzynarodowej konferencji (Genua, 1922), delegacja radziecka wystąpiła z propozycją powszechnego ograniczenia zbrojeń.

Pierwszą międzynarodową konferencją działającą pod auspicjami Ligi Narodów, w której pracach wziął udział Związek Radziecki, była Komisja Przygotowawcza do Konferencji Rozbrojeniowej. 30 listopada 1927 r. na posiedzeniu Komisji ogłoszono deklarację rządu ZSRR o powszechnym, całkowitym i natychmiastowym rozbrojeniu. Był to pierwszy wypadek na świecie, kiedy rząd wielkiego mocarstwa wystąpił z konkretnymi propozycjami w tej dziedzinie. Od tej chwili problem rozbrojenia stał się jednym z najbardziej aktualnych problemów w stosunkach międzynarodowych.

15 lutego 1928 r. został opublikowany tekst radzieckiego projektu konwencji o powszechnym, całkowitym i natychmiastowym rozbrojeniu, który zyskał szeroką popularność. Został on przetłumaczony i wydany w wielu krajach. Po krótkotrwałej dyskusji Komisja Przygotowawcza — w której większość stanowiły delegacje państw kapitalistycznych — odrzuciła radziecki projekt o powszechnym, całkowitym i natychmiastowym rozbrojeniu.

Biorąc pod uwagę zaistniałą sytuację, 23 marca 1928 r., rząd radziecki zaproponował Komisji Przygotowawczej projekt konwencji o częściowym rozbrojeniu. Projekt ten opierał się na zasadzie proporcjonalnego ograniczenia wszystkich rodzajów broni w zależności od składu i liczebności sił zbrojnych w poszczególnych państwach. W ten sposób stawał on w obronie interesów państw najsłabszych, uza-

leźnionych ekonomicznie i politycznie od mocarstw imperialistycznych. Jednakże Komisja Przygotowawcza na swej V sesji w marcu 1928 r. odmówiła dyskusji nad radzieckim projektem.

Po krótkotrwałej dyskusji nad radzieckim projektem podczas VI sesji Komisji Przygotowawczej w kwietniu 1928 r. został on odrzucony. Wywołało to oburzenie postępowych kręgów w wielu krajach. Radziecki wniosek oceniony został wysoko na VI Kongresie Międzynarodówki Komunistycznej. W tezach Kongresu podkreślano, że: „Stanowisko Związku Radzieckiego odnośnie do problemu rozbrojenia jest kontynuacją polityki Lenina i konsekwentnym wprowadzaniem w życie Jego teorii”.

Wchodząc w skład Komisji Przygotowawczej, delegacja radziecka popierała najbardziej radykalne wnioski w sprawie ograniczenia zbrojeń. Działalność Związku Radzieckiego na forum Komisji Przygotowawczej polegała na wystąpieniach przeciwko zwiększającemu się niebezpieczeństwu wojny na świecie.

Na Powszechnej Konferencji Rozbrojeniowej w 1932 r., delegacja radziecka zaproponowała, by głównym tematem obrad była kwestia powszechnego i całkowitego rozbrojenia. Uwzględniając możliwość odrzucenia propozycji, delegacja radziecka wystąpiła również ze zmienionym projektem Konwencji o proporcjonalnym ograniczeniu zbrojeń. Jednakże i te propozycje ZSRR zostały również odrzucone przez Powszechną Konferencję Rozbrojeniową.

W okresie międzywojennym — Związek Radziecki jedyne państwo socjalistyczne znajdujące się w otoczeniu państw kapitalistycznych — występując przeciwko zbrojeniom, położyło trwałe fundamenty pod szeroko zakrojoną i wzmożoną walkę o pokój i rozbrojenie, która trwa do dnia dzisiejszego.